

Формирование ранней петровской военной элиты: белгородские разрядные воеводы*

Николай Петрухинцев

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал),
Липецк, Россия

The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes**

Nikolay Petrukhintsev

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch),
Lipetsk, Russia

This article examines some aspects underlying the formation process of the early Petrine military elite referring to the careers of three military leaders who advanced to higher positions in the late seventeenth century (A. S. Shein, B. P. Sheremetev, and Prince Ya. F. Dolgorukov). They were almost the same age, their starting positions were comparable, and they climbed up the career ladder in voivodeship traditional for the aristocracy differently, depending on the circumstances and the political situation that seriously affected their careers. Referring to a considerable amount of new archival material and synthesising the latest historiographic information, the author demonstrates the influence of the political crisis of 1682 on their career trajectories. Also, the author examines the differences in their life paths at the initial stage of the Russian-Turkish war of 1686–1700, the acquisition of diplomatic experience by B. P. Sheremetev and Ya. F. Dolgorukov during these years; and their participation in the Azov campaigns. The author reveals the uneven nature

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42048.

** Citation: Petrukhintsev, N. (2022). The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717.

Цитирование: Petrukhintsev N. The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717 / Петрухинцев Н. Формирование ранней петровской военной элиты: белгородские разрядные воеводы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717.

of Ya. F. Dolgorukov's career, as he received the boyar rank much later than his younger colleagues. The author notes not only the commanding but also the outstanding administrative merits of the voivodes, whose appearance as part of the military-political elite was, among other things, a reflection of the objective process of a generational change. The author concludes that the most significant step in their acquisition of military leadership and the military organisational experience was the leadership of the Belgorod *razryad* – the largest unit of Russia's field army in the second half of the seventeenth century and the most significant military administrative district, most closely involved in the “great wars” of Russia in the second half of the seventeenth century.

Keywords: reforms of Peter the Great, Russo-Turkish War of 1686–1700, Belgorod *razryad*, Russian military elite of the late seventeenth century, *razryad* regiment voivodes

Исследуются некоторые стороны процесса формирования ранней петровской военной элиты на примере особенностей карьеры трех военных лидеров, выдвинувшихся на первые места в ней в конце XVII в. (А. С. Шеина, Б. П. Шереметева, князя Я. Ф. Долгорукова). Почти сверстники, близкие по исходным стартовым позициям, они делали традиционную для аристократии воеводскую карьеру по-разному, в зависимости от стечения обстоятельств и политической конъюнктуры, серьезно влиявшей на ее ход. На основе привлечения значительного нового архивного материала и обобщения новейших историографических сведений показаны влияние на их карьерные траектории политического кризиса 1682 г, различия жизненных путей на начальном этапе Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., приобретение в эти годы дипломатического опыта Б. П. Шереметевым и Я. Ф. Долгоруковым, участие этих людей в боевых действиях периода Азовских походов. Автор раскрывает неровный характер служебного роста Я. Ф. Долгорукова, получившего боярский чин гораздо позднее своих более молодых сослуживцев, отмечает не только полководческие, но и незаурядные административные достоинства своих героев, чье появление в составе военно-политической элиты стало, кроме прочего, отражением объективного процесса смены поколений. Делается вывод, что важнейшей ступенью в приобретении ими полководческого и военно-организационного опыта стало руководство Белгородским разрядом – крупнейшим соединением полевой армии России во второй половине XVII в. и самым значительным военно-административным округом, наиболее тесно вовлеченным в «большие войны» России второй половины XVII в.

Ключевые слова: реформы Петра I, Русско-турецкая война 1686–1700 гг., Белгородский разряд, русская военная элита конца XVII в., воеводы разрядных полков

Военно-административное руководство Белгородским разрядом и Белгородским разрядным полком (крупнейшей военно-территориальной группировкой полевой армии России, насчитывавшей свыше 20 тыс. чел.) служило во второй половине XVII в. важной ступенью на пути продвижения в верхушку военного руководства России. Об этом свидетельствует и опыт последней «большой» войны XVII в. – Русско-турецкой войны 1686–1700 г., на заключительной фазе которой начали формироваться кадры уже собственного петровского высшего военного руководства России. Фактически все три командующих, последовательно находившихся на вершине ранней петровской военной иерархии (бояре А. С. Шеин, князь Я. Ф. Долгоруков, Б. П. Шереметев), в разное время в той или иной мере прошли через опыт руководства Белгородским разрядом и командования Белгородским разрядным полком. Однако пути их выдвижения в высшую военную элиту России были неодинаковы и отличались своими специфическими особенностями, связанными с тем, как складывалась их военная и гражданская карьера.

К сожалению, ранние стадии их воеводских карьер пока известны довольно плохо, и некоторые их детали вызывают сомнения. Это касается даже их возраста: лишь недавно А. Г. Авдеев и П. В. Седов установили, что А. С. Шеин и П. Б. Шереметев были почти ровесниками – оба родились в 1652 г. [Авдеев, с. 65, 77; Седов, с. 10]¹, тогда как ранее полагали, что А. С. Шеин на десятилетие моложе, и датой его рождения считался 1662 г.

Сомнения вызывает и почти общепринятая дата рождения князя Я. Ф. Долгорукова – 1639 г. [Имшенецкая, с. 573] (который, судя по ней, был на 12–13 лет старше своих «коллег»). Вероятно, он действительно был старшим из четырех братьев (Якова, Бориса, Луки и Григория Федоровичей), появившихся на свет в 1650-е гг. Однако слишком поздний переход его из стряпчих в стольники в 1671 или 1672 г. (в 32 года) вовсе не типичен для фамилий его круга. Вызывает удивление и то, как 72-летний князь сумел в 1711 г. организовать известный морской побег из шведского плена, а потом до 81-летнего возраста заседал в петровском Сенате. Слишком большая разница в возрасте (почти 33 года) могла серьезно препятствовать и его сближению с Петром I, поэтому, возможно, Я. Ф. Долгоруков был на несколько лет моложе. Уже первый биограф Я. Ф. Долгорукова К. М. Бороздин отмечал, что он «родился около половины семнадцатого столетия» и участвовал в походе князя М. Ю. Долгорукова к Путивлю (в 1679 г., но автор не датирует его точно) в возрасте 25 лет [Бороздин, с. 6, 9]. Вероятно, следует принять во внимание мнение Д. О. Серова и свидетельство походного журнала Петра I, согласно которому

---

¹ П. В. Седов считает примерной датой рождения А. С. Шеина 28 сентября 1652 г. (хотя в опубликованной А. Г. Авдеевым эпитафии Шеина речь идет о восьмом месяце, то есть августе), в результате чего он оказывается лишь чуть менее, чем на полгода моложе Б. П. Шереметева, родившегося 25 апреля 1652 г.

Я. Ф. Долгорукову в момент смерти в июне 1720 г. было 70 лет [Серов, с. 108; Походный журнал, с. 25], и, следовательно, он родился около 1649–1650 г., будучи почти сверстником Б. П. Шереметева и А. С. Шеина (лишь на два-три года старше них).

Таким образом, все будущие руководители Белгородского разряда были близки по возрасту и начали военную карьеру почти одновременно – первые их самостоятельные и значимые воеводские назначения приходятся на рубеж 1670–1680-х гг.

Выдвижение в военных структурах этого нового слоя молодых аристократов, для которых полководческая воеводская карьера была делом традиционным, началось при Федоре Алексеевиче в финале Русско-турецкой войны 1672–1681 гг., лишь немного позднее, чем полководческая карьера чуть более старшего князя В. В. Голицына, родившегося в 1643 г. Вероятно, что какое-то время, как и полагалось молодым аристократам, они были на положении младших воеводских «товарищей» при своих отцах и ближайших родственниках, но первые самостоятельные воеводские назначения получили при приближении к порогу 30-летия (или чуть позднее его).

Именно в это время 27-летний А. С. Шеин – потомок знатного рода, связанный к тому же через своего отчима князя Г. С. Черкасского по второму браку своей матери с мощным и влиятельным кланом князей Черкасских, любимый спальник Алексея Михайловича, делавший до того успешную придворную карьеру, – видимо, утратил часть своих позиций при дворе и в ноябре 1679 г. получил назначение на воеводство в Тобольск, где пробыл с 6 апреля 1680 г. по 6 января 1682 г., приобретя первый успешный опыт военно-административного руководства значительным по территории краем в Сибири [Седов, с. 11–15]. Тот же опыт городского и полкового воеводы получил к этому времени и 30-летний князь Я. Ф. Долгоруков, бывший воеводой в Симбирске, откуда 14 июня 1680 г. сообщал о набеге татар на чувашскую деревню Кизилбоеву [Загоровский, с. 134–135]. Вероятно, он, как и Б. П. Шереметев, также начинал военную карьеру в рамках семейного клана под руководством родственников – в 1679 и 1680 г. Казанский разряд последовательно возглавляли бояре и воеводы князь Михаил Юрьевич и Владимир Дмитриевич Долгоруковы [Яфарова, с. 340–344, 374–375].

* * *

Однако первые серьезные шаги по выдвижению этого нового слоя молодой аристократии в верхи военной элиты были сделаны в финале Русско-турецкой войны.

Как справедливо отметил В. С. Великанов, к этому времени уже назревал процесс смены поколений в русской военной элите [Великанов, 2017, с. 632–633] – поколение воевод, выросшее в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг., постепенно сходило со сцены. В ходе

начавшегося обновления воеводского корпуса стольники Я. Ф. Долгоруков и Б. П. Шереметев (вероятно, осенью 1680 г.) получили первую возможность командования крупными военными группировками – по известной «росписи 189 г.» (1680/1681 г.) с делением армии на территориальные разряды (которую обычно считают следствием военно-территориальной «разрядной» реформы) они были назначены на «боярские» должности полковых воевод Тамбовского и Казанского разрядов. Б. П. Шереметев получил под свое управление «половину» Белгородского разряда, выделенную в особый Тамбовский разряд с центром его воеводского полка в Козлове, – значительную группировку войск общей численностью в 14566 чел., состоявшую из трех рейтарских и семи пехотных полков, большая часть которой (два рейтарских и пять солдатских полков, 10316 чел.) находилась под командованием самого Б. П. Шереметева, а меньшая – под командованием его «товарища» А. И. Ржевского².

Одновременно стольнику Я. Ф. Долгорукову было поручено руководство ставшим в последние годы перед этим почти «вотчиной» Долгоруковых Казанским разрядом и такой же воинской группировкой общей численностью в 14417 чел. (4577 дворян и детей боярских сотенной службы, два рейтарских полка и шесть солдатских), из которых под его непосредственным командованием с центром в Симбирске оказалась чуть меньшая доля – 8863 чел. (у его «товарища» И. Ю. Леонтьева в Керенске – 5754 чел.)³.

Несмотря на то, что «роспись 189 (1680/1681 г.)», по мнению В. С. Великанова, носила «проектный» характер распределения сил на будущую кампанию и далеко не до конца была реализована на деле в 1681 г. вследствие окончания Русско-турецкой войны Бахчисарайским мирным договором 13 (23) января 1681 г. [Великанов, 2018, с. 21], Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков, вероятно, все-таки вступили в командование своими территориальными военными группировками, о чем говорят относящиеся к этому времени челобитные иноземных офицеров, указывающие на реальное командование их воеводскими полками [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 629. Л. 701–703; 686–687].

Для находившихся лишь в стольнических рангах 28-летнего Б. П. Шереметева и 31-летнего Я. Ф. Долгорукова это был почти ошеломляющий успех, возможно, даже более существенный для Я. Ф. Долгорукова. В появившемся почти одновременно проекте «наместнической реформы» 1682 г. главы Казанского и Тамбовского разрядов занимали 13-е и 27-е места в планируемой общей иерархии вельмож, и 4-е и 10-е – в иерархии воевод разрядных полков⁴. Вероят-

² Подсчитано по: [РГАДА. Ф. 210 (Книги Московского стола). Оп. 6. Д. 124. Л. 63–69].

³ Подсчитано по: [РГАДА. Ф. 210 (Книги Московского стола). Оп. 6. Д. 124. Л. 35–41].

⁴ Текст проекта см. по: [Богданов, с. 587–595].

но, назначение Я. Ф. Долгорукова было связано с пиком внутривластного влияния, достигнутого кланом лидера тогдашнего правительства князя Ю. А. Долгорукова к концу 1681 – началу 1682 г.

* * *

Однако внутривластный кризис 1682 г. кардинально изменил сложившуюся ситуацию. Накануне него вернувшийся в столицу с, видимо, сочтенного успешным воеводства в Тобольске, заново отстроенном им после пожара, А. С. Шеин восстановил свои позиции при дворе Федора Алексеевича и 9 апреля 1682 г. был пожалован в бояре, получив казенные деньги на ремонт своего двора в Китай-городе [Седов, с. 14–17]. Но начавшийся вскоре «стрелецкий кризис» и осложнившаяся в связи с ним борьба за власть оказали прямое влияние на дальнейшее течение воеводских карьер всех трех молодых аристократов.

После смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. «боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий с сыном князем Михайлом Юрьевичем и *весь их род линии Федоровичев Долгоруких*» одними из первых целовали крест избранному царем Петру (курсив в цитатах здесь и далее мой. – Н. П.) [Куракин, с. 44–45], а Яков Федорович с братьями на случай вооруженной стычки при избрании Петра якобы даже надели под платьем панцири. На следующий день один из братьев, Лука Федорович Долгоруков, был отправлен приводить к присяге Петру I Казань [Имшенецкая, с. 573].

Но стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. привело к гибели лидеров Боярской думы и семейного клана Долгоруковых – князей Юрия Алексеевича и Михаила Юрьевича, лишив Я. Ф. Долгорукова опоры во властных структурах и отодвинув его в тень при регентстве Софьи как проявившего себя активного сторонника Петра. 24 мая 1682 г., накануне провозглашения 26 мая царя Ивана соправителем Петра, Я. Ф. Долгоруков получил назначение в Казань в военную группировку П. В. Шереметева Меньшого, собиравшуюся в мае против восставших башкир и в это смутное время постоянно менявшую состав своего руководства [Восстание, с. 16, 19–20; РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 629. Л. 513–514]. Венчание обоих царей на царство 25 июня 1682 г. приостановило придворную и военную карьеру Я. Ф. Долгорукова. А. С. Шеин и Б. П. Шереметев в эти же тревожные дни вырвались вперед.

Во время венчания уже имевший боярский чин А. С. Шеин нес царскую шапку для одного из царей, а Б. П. Шереметев 26 июня 1682 г. вслед за отцом, получившим в этот день чин оружничего, был пожалован в бояре [Восстание, с. 260–261; Соловьев, с. 334]. Вероятно, это было следствием компромисса, достигнутого группировкой Софьи и князя В. В. Голицына с влиятельнейшими боярскими родами. Лишившийся мощного покровительства в Думе Я. Ф. Долгоруков боярского чина так и не получил и надолго застрял в стольниках.

* * *

Боярский ранг давал уже полное право на занятие должностей воевод разрядных полков и крупных значимых городов, что вскоре отразилось на карьерах А. С. Шеина и Б. П. Шереметева.

После короткого эпизода, связанного с организацией брака дочери украинского гетмана И. С. Самойловича с братом будущего фельдмаршала Ф. П. Шереметевым, когда украинский гетман для повышения статуса и престижа жениха при заключении брака осенью 1682 г. потребовал его назначения руководителем Севского разряда с одновременной передачей командования Белгородским разрядом его отцу П. В. Шереметеву Большому (больше заинтересованному в думских постах в Москве), после возвращения последнего в столицу в начале 1683 г. А. С. Шеин был назначен главой Белгородского разряда [Кочегаров, 2012, с. 50–55]. Пресловутое «воеводство А. С. Шеина в Курске» в 1683–1685 гг. [Рое, р. 464]⁵ было фактически командованием Белгородским разрядом, центр которого в то время находился в Курске. В ходе него А. С. Шеин получил первый серьезный опыт военно-административного руководства огромным регионом (в частности, с декабря 1683 г. он занимался в Курске строительством слободы для выселенных из Москвы после восстания 1682 г. стрельцов [Медведев, с. 186–187], а также активно участвовал в судебных делах Белгородского разряда, разбирая тяжбу между новосильцами и их воеводой М. Телегиным [Дудина, с. 150]).

Почти одновременно Б. П. Шереметев стал воеводой во Пскове, занимая этот значимый пост как минимум с 27 августа 1683 по 26 декабря 1684 г. [Рое, р. 465; Барсуков, с. 186].

Таким образом, А. С. Шеин и Б. П. Шереметев получили неопределенный опыт руководства крупными военно-административными структурами, которого Я. Ф. Долгоруков в эти годы, видимо, оказался лишен.

* * *

Новым толчком к воеводским карьерам всех трех указанных лиц стала начавшаяся Русско-турецкая война 1686–1700 гг. Уже «голицынская» ее фаза 1686–1689 гг. существенно повлияла на них.

В ходе войны завершилась начавшаяся смена поколений в военном руководстве – по наблюдениям В. С. Великанова, она продолжала следовать сложившимся ранее традициям, и, несмотря на отмену местничества в январе 1682 г., фактически продолжала сохранять местнические принципы в назначении воевод «больших» полков из числа относительно молодых представителей аристократии, к ко-

---

⁵ По сведениям А. А. Барсукова, А. С. Шеин находился во главе Белгородского разряда как минимум до января 1685 г. [Барсуков, с. 123].

торым в виде «товарищей» и «сходных воевод» назначались представители менее «породных» фамилий [Великанов, 2017, с. 633–634].

В ряду этих первостепенных полководцев первого Крымского похода В. В. Голицына 1687 г. оказался и А. С. Шеин. Он получил под свое руководство Новгородский разряд с присоединенными к нему полками – вторую по численности группировку полевой армии в 18 755 чел. (1 150 чел. сотенной службы; гусарский, копейный, шесть рейтарских, два московских стрелецких и шесть солдатских полков), составлявшую почти 1/5 «большого» полка В. В. Голицына, в числе которой был и один рейтарский (обоянский Ивана Барова) полк Белгородского разряда [РГАДА. Ф. 210. Разряд (Кн. Московского стола). Оп. 6. Д. № 124. Л. 87–92], перешедшего с 1685 г. под командование князя М. А. Голицына [Барсуков, с. 123]. Ни сам главнокомандующий, ни эти новые разрядные воеводы не имели боевого опыта, что вовсе не удивительно и не может быть поставлено им в упрек.

Русская армия не воевала против серьезного противника с правильной организацией армии почти 20 лет, фактически со времен Русско-польской войны 1654–1667 гг. Первая фаза Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. была в основном связана с операциями против иррегулярных частей – правобережных украинских казаков П. Д. Дорошенко и крымских татар. В кульминационной фазе Чигиринских походов (если не считать осажденных гарнизонов Чигирина) до короткого открытого столкновения с основными силами турецкой армии дело дошло лишь в 1678 г. в армии князь Г. Г. Ромодановского. Заключительные годы войны (1679–1680) свелись к маневрированию предельно мобилизованных армий в ожидании возможного турецкого вторжения и к участию их в масштабных строительных работах по укреплению границ. Боевой опыт имело лишь поколение воевод 1650–1660-х гг., уже почти сошедшее со сцены. В армии к началу Крымских походов еще оставался слой военных специалистов более низкого ранга, служивших с начала Русско-польской войны уже как минимум по 30–35 лет, но они находились уже на пределе своих возрастных возможностей и, как отметил В. С. Великанов, в основном назначались в «товарищи» к этим новым воеводам, частично выполняя роль военных советников [Великанов, 2017, с. 634]. Стрелецкие полковники, имевшие боевой опыт, были сметены стрелецким восстанием 1682 г. Многие иноземные полковники и штаб-офицеры, в большинстве своем принадлежавшие к династиям, укоренившимся в России, также не имели опыта службы в современных иностранных армиях и боевого опыта, а те, что имели, тоже уже сходили со сцены.

Новому руководству приходилось получать боевой опыт уже в ходе самой войны, которая (особенно вначале) тоже не давала для этого необходимой почвы – основным противником в ее «голицынской» фазе оставались крымские татары, избегавшие крупных сражений, поэтому самым ценным в нем оставался опыт военно-организационного руководства большими массами войск при подготовке кампаний и маневрировании в длительных степных маршах.

* * *

Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков далеко не сразу включились в операции этой первой фазы войны. В начальный ее момент они пробовали свои силы на ином, но тоже традиционном для аристократии дипломатическом поприще.

34-летний Б. П. Шереметев по возвращении из Пскова принимал деятельное участие в переговорах В. В. Голицына по заключению «Вечного мира» с Польшей в 1686 г. и, видимо, уже тогда проявил свои способности. В связи с этим к лету 1686 г. ему была поручена важнейшая дипломатическая миссия – ратификация «Вечного мира» в Польше, которую польская сторона стремилась затянуть и от которой во многом зависела и судьба первого Крымского похода В. В. Голицына 1687 г. (в случае неуспеха посольства он мог быть сорван, несмотря на начавшуюся масштабную его техническую подготовку). Посольству Б. П. Шереметева, отправленному из Москвы 25 июня 1686 г., в непростой обстановке удалось добиться ратификации договора лишь к 22 (12) декабря 1686 г. [Кочегаров, 2008, с. 423–459, 449]. После этого оно продолжило свой путь в Вену, где Б. П. Шереметев в течение почти двух месяцев в марте – апреле 1687 г. вел переговоры, зондируя позицию австрийского двора на предмет того, каковы его планы в войне и не ведет ли он сепаратных переговоров о возможном мире с Турцией, одновременно пытаясь противостоять нажиму австрийской стороны, настаивавшей на уступках католическому духовенству в России [ПДС, ст. 1–276].

Я. Ф. Долгоруков, как и Б. П. Шереметев, 1 февраля 1687 г. был назначен в посольство во Францию и Испанию, куда отправился 26 февраля 1687 г., когда определился успех миссии Шереметева и началась мобилизация войск к первому Крымскому походу. Он оказался в не менее сложном положении – приглашение французского короля к антиосманскому союзу при традиционно теплых отношениях Франции с Турцией в условиях, когда уже явственно обозначилась неизбежность нового конфликта Франции с Австрийской империей Габсбургов, было делом бесперспективным, и русское правительство скорее рассматривало посольство как зондаж позиций французской стороны для оценки общих тенденций развития внешнеполитической ситуации в Европе.

Но Я. Ф. Долгорукову пришлось столкнуться с другой проблемой: несколько пренебрежительное отношение французских властей после прибытия посольства во Францию в начале июля 1687 г. вынудило его втянуться в июле – сентябре 1687 г. в более чем двухмесячную борьбу за соблюдение в отношении России общедипломатических норм («потому де, что ни в котором из окрестных, не токмо христианских, но и босурманских государств не водится того, к чему их ныне

принуждают» [Языков, с. 51]) – за то, чтобы не вести переговоров с департаментом внешних сношений Франции до официальной аккредитации и вручения верительных грамот королю во время приемной аудиенции; за проведение хотя бы формальных переговоров вовсе не заинтересованной в них французской стороной; за оформление результатов этих переговоров официальным документом (ответной грамотой) с соблюдением статусных норм в отношении титулатуры русского государя; за завершение посольства официальной отпусковой аудиенцией у французского короля [Там же, с. 48–71].

В этом отношении он занял жесткую и непримиримую позицию и не согласился на нарушение этих норм, несмотря на давление французской стороны, временно арестовавшей (не на границе, а уже в Париже) имущество посольства под предлогом таможенного досмотра, на который Я. Ф. Долгоруков, рассматривавший его как «бесчестье» и отказывавшийся без переговоров и отпусковой аудиенции принять ответные дары французского короля, согласился только после того, как арест на имущество был снят [Там же, с. 60–62]. Вероятно, именно это дало основание не слишком доброжелательному по отношению к нему князю Б. И. Куракину позднее заявить, что князь Я. Ф. Долгоруков «при дворе французском во всяком безчестии пребыл и худой естиме, понеже явно торговал соболями и протчими товары, и о всех его делех есть во Франции напечатанная книга» [Куракин, с. 51].

Продолжение посольства к испанскому королю и переговоры в Мадриде в ноябре – декабре 1687 г. о присоединении Испании к антиосманскому союзу или организации материальной помощи России в антиосманской борьбе тоже не дали результата, но обошлись без острых конфликтов [Языков, с. 71–82].

* * *

Возвращение к воеводской карьере стало возможным только при завершении дипломатических миссий. Б. П. Шереметев, вернувшийся в Москву 25 июля 1687 г. в финале первого Крымского похода [ПДС, ст. 275–276] и вознагражденный за успех посольства переводом в вотчину 515 четвертей его поместий в Дмитровском, Орловском и Коломенском уездах [Заозерский, с. 34–35], почти тут же был назначен воеводой в Белгородский разряд на место умершего в Белгороде 25 сентября 1687 г. князя М. А. Голицына, руководившего воеводскими полками, прикрывавшими южную границу. Приехав в декабре 1687 г. в Белгород, он столкнулся с угрозой татарского набега, однако набег не состоялся, и Б. П. Шереметев после смотра в феврале 1688 г. распустил Белгородский полк по домам [Великанов, 2020, с. 31, 34]. Фактически с этого времени (с декабря 1687 г.) Б. П. Шереметев получил под командование Белгородский разряд и, за исключением коротких перерывов, руководил им до конца 1696 г. В 1688 г., выдвинувшись к Коломаку, он

организовал оборону границ, отражая силами сходных воевод набеги к Изюму, Маяцкому, Торским озерам, и «сходные ево товарищи... чинили отпор, и на боех и на переправах их, воинских людей, многих побивали, и полонных взятых людей и коши у них отбивали...» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 212 об.]. Во втором Крымском походе 1689 г. (где Белгородский разряд, как и в первом, не был самостоятельной группировкой и в основной своей массе снова вошел в Большой полк В. В. Голицына) Б. П. Шереметев руководил Казанским разрядом и, по его собственным словам, «будучи в том походе, с крымскими и с турецкими войсками и горскими черкесы бился» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 213; Великанов, 2020, с. 35]. А. И. Заозерский считал, что «в двух сражениях в Черной и Зеленой долинах предводительствуемый им отряд был смят татарами, хотя он сам и проявил большую храбрость» [Заозерский, с. 52].

Во втором Крымском походе все трое начинающих полководцев, считающихся скорее сторонниками Петра, несмотря на непростые отношения с главнокомандующим, сошлись на одном поле в армии В. В. Голицына: А. С. Шеин продолжал командовать в нем усиленной военной группировкой Новгородского разряда, а вернувшийся в мае 1688 г. в Россию стольник Я. Ф. Долгоруков оказался товарищем В. В. Голицына, получив под командование в том числе и четыре белгородских солдатских полка [Великанов, 2020, с. 35]. По окончании похода Я. Ф. Долгоруков наравне с опытейшим В. А. Змеевым был награжден кубком «с кровлею», «кафтаном золотным на соболях» и 3,5 тыс. ефимков «на вотчину» (из которых он получил 2 тыс. лишь в 1705 г.) [Захаров; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 5. Л. 1–19 об.], что говорит о том, что его заслуги в походе были оценены как достаточно значимые, несмотря на вряд ли теплые отношения с В. В. Голицыным. По мнению де ля Невилля, они были непростыми и у Б. П. Шереметева, который уже тогда воспринимался как «человек с великими достоинствами» и, несмотря на сотрудничество в дипломатической области при заключении и ратификации «Вечного мира», был смертельным врагом В. В. Голицына, «который был бы рад, если бы Шереметев потерпел поражение и погиб бы» [цит. по: Заозерский, с. 237, прим. 201].

За последующие восемь лет командования Белгородским разрядом Б. П. Шереметев приобрел навыки военно-административного руководства большим регионом с разными категориями служилых людей и серьезный опыт маневренной войны в степях. Судя по всему, он довольно эффективно действовал, прикрывая границы и своевременно выдвигаясь к наиболее опасным направлениям татарских набегов. На Белгородчине он пережил внутривосточный кризис 1689 г. и активно включился в операции вялотекущей фазы войны, сражаясь с татарами и войсками Петрика (Петра Черкашенина). Вероятно, он имел возможность учиться у опытных советников: в 1692–1694 гг. его сходным «товарищем» был курский воевода Венедикт

Андреевич Змеев – один из самых квалифицированных военных специалистов в полках «нового строя», видимо, попавший в «полуопалу», поскольку был слишком тесно связан с В. В. Голицыным [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 218–220, 249–254]. За действия против Петрика и крымских татар в 1692/1693 г. Б. П. Шереметев получил золотный бархат на кафтан, два сорока соболей ценой по 80 р. сорок и 190 руб. придачи к окладу [Там же. Л. 221]; 14 декабря 1692 г. Сибирскому приказу было велено выдать ему на шубу два сорока соболей ценой по 90 р. [Там же. Л. 88].

После прихода Б. П. Шереметева к руководству Белгородским разрядом почти сразу же выявились и его хозяйственно-административные способности. Вероятно, именно он вернул административный центр разряда из Курска в Белгород, который был более эффективным логистическим центром в этой войне, требовавшей прежде всего эффективной обороны южных границ и маневрирования войсками на них. После Крымского похода 1689 г. он, «пришед ис того похода, в Беле городе на полковой и на осадной наряд и на всякие полковые припасы построил анбары и на зеленую и на пороховую казну погребы», попутно произведя масштабную починку городков на черте [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 213]. Во время операций против Петрика в 1692–1693 г. укрепление границ интенсивно продолжалось – за эти годы в Белгороде, Маяцком и на черте было починено и построено укреплений на 3345 саженьях (то есть почти на 7,1 км) [Там же. Л. 218–220].

В период короткой передышки с осени 1693 по осень 1694 г., когда Белгородский полк Шереметева совершил всего три коротких похода к черте для блокирования набегов крымских татар, длившихся в общей сложности всего лишь месяц (26 сентября – 4 октября 1693 г.; 26 апреля – 6 мая; 9–19 сентября 1694 г.) [Там же. Л. 122–124], руководитель разряда всерьез занялся перестройкой укреплений самого Белгорода. Б. П. Шереметев построил силами ратных людей и нетчиков и беглецов предыдущих походов со стороны реки Везеницы стоячий острог на 279 саженьях и рубленые тарасы от Северского Донца на 389,5 саженьей с четырьмя дубовыми башнями, выкопал по их периметру ров, частично заполненный водой из Северского Донца, насыпал силами людей городской службы разных городов разряда 211 сажень земляного вала меньшого земляного города от «Везелицкой стороны... до Московские проезжие башни» и старого рубленого раската (всего в общей сложности около 1,85 км городских укреплений), перестроил Везелицкую башню, построил два амбара для хранения пушек и полковых припасов [Там же. Л. 127–130]⁶. При этом он еще и ухитрился получить 1964 руб. прибыли сверх окладных доходов, 57 % которой (1124,6 руб.) принес выгодно проданный уже

---

⁶ Широко известный план Белгорода 1693 г., скорее всего, связан именно с отчетом Шереметева о строительстве города.

негодный для армии провиант, оставшийся в Сумах от Крымских походов [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 131–132].

Шереметев вел себя как рачительный хозяин не только в государственных делах – он не забывал и о своих интересах. После Крымского похода 1689 г., когда ему пришлось занять 500 четей ржи и 310 четей овса из казенных белгородских житниц, он с 1690/91 г. добился восстановления годового жалования разрядным воеводам Белгородского полка (500 руб., 500 четей ржи и 1 тыс. четей овса), исходатайствованного еще в 1664 г. князем Б. И. Репниным, но не выплачивавшегося после отставки князя Г. Г. Ромодановского с 1678/1679 г. [Там же. Л. 233–237]. Жалованье и награды за службы послужили основой роста его личного благосостояния: во время руководства Белгородским разрядом Шереметев превратился в крупного местного помещика, «построив» между 1687–1695 гг. села Борисовку и Поношивку на границах карповских и хотмыжских земель и постепенно округляя их территорию, на которой к 1707 г. числилась уже тысяча дворов [Заозерский, с. 35,43].

Накопленный военный и административный опыт сказался с началом «петровской фазы» Русско-турецкой войны 1686–1700 г. – с возобновлением активных действий в 1695 г. Б. П. Шереметев возглавил «днепровскую» армию и сразу же добился больших успехов, взяв в 1695 г. днепровские городки. Он превратился в одного из самых перспективных военных лидеров.

* * *

В еще более крупную фигуру с началом «петровской фазы» войны стал превращаться А. С. Шеин. Думается, что излишне критическое отношение к нему как к аристократу-выскочке, изнеженному богачу, случайно оказавшемуся на военном поприще, далеко не вполне справедливо – к моменту своего назначения он два года руководил Белгородским разрядом и еще два года командовал крупными группировками войск в Крымских походах 1687 и 1689 гг., занимая тогда куда более значимые позиции в военной верхушке, чем Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков. Конечно, он не смог приобрести в этих «безбатальных» походах необходимый боевой опыт, но зато получил опыт военно-организационный, связанный с руководством большими массами войск. Судя по его юношескому прозвищу (Ураг, то есть молодой олень-самец), он был человеком, наделенным большой энергией и незаурядным умом, позволившим ему сделать блестящую придворную карьеру еще при Алексее Михайловиче [Седов, с. 14–15].

После династического кризиса 1689 г. А. С. Шеин вошел и в ближний круг молодого Петра I, оказавшись в числе его «походных» бояр и даже в самом узком кругу, сопровождавшем царя в первую поездку в Архангельск в 1693 г. [Дворцовые разряды, ст. 502, 507; Титов, с. 65–67]. Скорее всего, он вовсе не случайно и в достаточно

зрелом возрасте (в 44 года) оказался воеводой Большого полка в Азовском походе 1696 г., а также во главе военно-административного строительства в Азовском регионе в 1697 г., когда надо было решать сложные задачи по закреплению позиций в только что завоеванном крае. И если бы Петр оценивал его только как марионетку в своих руках во время второго Азовского похода, вряд ли бы он после его завершения и перед отправлением в Великое посольство частично централизовал в руках А. С. Шеина военное управление, прежде всего управление частями «нового строя» (6 января, 22 и 27 февраля 1697 г. А. С. Шеин был последовательно назначен руководителем Пушкарского, Рейтарского и Иноземского приказов [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 164, 150, 171]). Даже вспышка ярости Петра после возвращения из Великого посольства осенью 1698 г. из-за неудачного стрелецкого розыска не лишила доверия Шеина, и он продолжал сохранять руководство этими военными структурами вплоть до своей смерти. Возможно, он мог бы вырасти и в эффективного полководца на полях Северной войны, но ранняя смерть накануне ее начала оставила этот вопрос открытым.

* * *

«Петровская фаза» войны несколько неожиданно привела к выдвиганию надолго отодвинутого в тень Я. Ф. Долгорукова, не получившего за годы регентства Софьи такого серьезного военно-административного опыта, как чуть более молодые А. С. Шеин и Б. П. Шереметев. После победы группировки Петра в ходе кризиса 1689 г. он переключился на гражданское поприще, занимая с октября 1689 по начало февраля 1697 г. пост главы Московского судного приказа, судившего «московских чинов» [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 197]. Однако с началом «петровской» фазы войны началось постепенное возвращение Я. Ф. Долгорукова на военное поприще.

Первые явные следы сближения Петра с Я. Ф. Долгоруковым видны не только в истории с привезенной из Франции астролябией, но уже и в начале первого Азовского похода: при выступлении из Москвы его младший брат Г. Ф. Долгоруков выступал во главе пятой роты Преображенского полка, а 29 июня 1695 г. в 8 часов утра сам Я. Ф. Долгоруков на легких судах прибыл в авангарде петровской армии к уже занятому позиции у Азова П. Гордону и от лица Петра предупредил, что вскоре к нему пожалует сам государь, что свидетельствовало о доверенных отношениях с Петром I [Желябужский, с. 277–278; Гордон, с. 366]. 19 июля 1695 г. Я. Ф. Долгоруков вызвался переправиться на правый берег Дона с отрядом в 4 тыс. чел. для постройки форта, из которого можно было бы организовать обстрел Азова с другой стороны реки, и в ночь на 20 июля перебрался туда с двумя солдатскими полками из дивизии П. Гордона (1,5 тыс. чел.), рискуя принять на себя удар многочисленной татарской конницы,

уже начавшей переплывать на тот берег, но остановленной демаршем Гордона. Долгоруков сумел закрепиться и построить форт с батареями, куда было отправлено четыре больших пушки и четыре мортиры [Гордон, с. 379–381].

23 сентября 1695 г. Петр I и Гордон посетили позиции Я. Ф. Долгорукова, чтобы оценить перспективы не удавшегося затем десанта с той стороны реки во время последнего штурма крепости 25 сентября, и Я. Ф. Долгоруков оставался в правобережном форте до самого отхода армии от Азова, переправившись со своими войсками к армии через Дон только 1 октября 1695 г. и благополучно вывезя оттуда пушки [Там же, с. 403, 409]. Вместе с тем ни в первом, ни во втором Азовском походе (в котором, он, судя по всему, тоже участвовал), Я. Ф. Долгоруков не занимал официальных воеводских постов, но по итогам второго Азовского похода наряду с В. Ф. Нарышкиным и П. М. Апраксиным (одиннадцатым в иерархии награжденных) получил награду как «волонтер» (волонтер) – золотой в 4,5 золотых (А. С. Шеин – в 13 золотых, Ф. Я. Лефорт – в 7, Ф. А. Головин – в 5,5), кубок весом в 4,5 фунта и «золотный кафтан на соболях» ценой в 210 руб. [РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 1. Л. 3 об.; Дворцовые разряды, ст. 1031], что, вероятно, свидетельствовало о дальнейшем личном сближении с Петром I.

Азовские походы стали решающим шагом к возврату Я. Ф. Долгорукова к воеводской карьере – после возвращения из них и решения об отправлении П. Б. Шереметева в Европу в период Великого посольства Долгоруков 5 ноября 1696 г. был назначен главой Белгородского разряда с оставлением сходными товарищами севского воеводы князя Андрея Кольцова-Масальского и курского воеводы Ильи Дмитриева-Мамонова [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 355–355]. Однако он не сразу отправился к месту службы – Б. П. Шереметев, приехавший после кампании в октябре в Москву [Гордон, с. 61], 6 ноября 1696 г. получил подводы для поездки в Белгород, чтобы собраться в дорогу и сдать дела Я. Ф. Долгорукову [Там же. Л. 358].

Но Я. Ф. Долгоруков, видимо, остро ощущал недостаток собственного статуса – получив «боярский» воеводский пост, он оставался всего лишь комнатным стольником. Возможно, не случайно перед отправлением в Белгород его товарищем и главой Севского разряда был назначен его брат Лука Федорович Долгоруков, и 30 января 1697 г. указом Петра для повышения престижа в отношениях с украинским гетманом И. С. Мазепой им было велено писаться наместниками Великопермским и Рязанским [Там же. Л. 450–451]. Не исключено, что местнические соображения могли сказаться и на позиции курского воеводы И. Дмитриева-Мамонова, которому срочно отъезжавшим в Москву Б. П. Шереметевым было поручено сдать дела Белгородского разряда Я. Ф. Долгорукову; 3 февраля 1697 г. он написал, что не может выехать для этого из Курска в Белгород по причине тяжелой болезни [Там же. Л. 137–138].

Перед самым отправлением в Великое посольство 2 марта 1697 г. Петр I «указал столника и воеводу князя Якова княж Федорова сына Долгорукова... в своих великого государя указах и во всяких полковых делех писать *ближним стольником и воеводою с вичем*» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 156]. Но этого было явно недостаточно. Поэтому указанная М. По дата пожалования Я. Ф. Долгорукова в бояре (20 июля 1696 г.) [Рое, р. 405] ошибочна – он, вероятно, был пожалован боярским чином годом позже, 20 июля 1697 г., уже в ходе начавшейся военной кампании, в отсутствие государя, скорее всего указом Петра, отправленным из Великого посольства. Это было предпоследним пожалованием в бояре в конце XVII в. (позднее, 9 сентября 1698 г., получил боярство лишь И. А. Мусин-Пушкин за воеводство в Астрахани [Дворцовые разряды, ст. 1085–1086; Рое, р. 346]), вынужденным тем, что местнические традиции в воеводском корпусе и командование днепровской армией в совместных походах с гетманом Мазепой настоятельно требовали повышения статуса Я. Ф. Долгорукова (хотя в боярских списках 1697–1700 гг. он как пожалованный поздно занимал последние и предпоследние позиции [Рое, р. 335, 339, 343, 346, 348]).

Таким образом, Я. Ф. Долгоруков сравнялся в формальном статусе со своими конкурентами на воеводском поприще лишь спустя 15 лет, в пору умирания старой системы «московских чинов». В тот момент его пожалование в бояре было необходимым шагом, тем более что днепровской армии Я. Ф. Долгорукова в кампаниях 1697–1698 гг. отводилась главная роль – она должна была решить ключевую задачу овладения днепровским устьем, и в ней концентрировалась наиболее мощная группировка полевых войск.

Однако обе эти кампании оказались неудачны. Я. Ф. Долгорукову, ограничившемуся двумя «таванскими» походами, так и не довелось выступить в «большой поход» к Очакову и взять город, контролирующий днепровское устье. Но, как и в случае с А. С. Шеиным, обе эти неудачи, вызвавшие серьезное недовольство царя осенью 1697 и 1698 гг. и, по некоторым данным, закончившиеся личным расследованием Петра во время поездки в Воронеж осенью 1698 г. (см. письмо Петра от 24 декабря 1697 г. [Письма и бумаги Петра Великого, с. 672]; см. также: [Бушкович, с. 209, 211]), не вызвали опалы Я. Ф. Долгорукова – видимо, царь согласился с доводами, что объективные обстоятельства были таковы, что вряд ли привели бы к успеху походов. В ходе расследования, дополнительно стимулированного обвинениями И. С. Мазепы против князя, выяснилось, что Долгоруков в условиях тяжелых военных кампаний за короткий срок руководства Белгородским разрядом даже после такого популярного лидера, как Б. П. Шереметев, сумел приобрести расположение подчиненных, и все находящиеся там «солдаты и офицеры... на самом деле перешли в партию князя» [Бушкович, с. 212, ссылка 94].

Князь в конечном счете сохранил расположение царя и руководство Белгородским разрядом, а в ходе реорганизации системы воен-

ного управления Я. Ф. Долгоруков, еще 27 января 1700 г. вызванный из Белгорода в Москву [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 387], после последовавшей 2 февраля 1700 г. смерти А. С. Шеина фактически занял его место в высшем военном руководстве. 18 февраля 1700 г. с чином генерал-комиссара он был назначен главой нового Военного приказа, составленного из объединенных Иноземского и Рейтарского, «а учинить ему тот приказ прежде поездки ево с Москвы в Бел город» [РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 4. л. 8–8 об.; Дворцовые разряды, ст. 1122; ПСЗ-1, т. 3, № 1766]. У Долгорукова было менее месяца на организацию нового Военного приказа – он выехал в Белгород не ранее 11 марта 1700 г., а уже 29 мая 1700 г. Петр I приказал ему срочно быть в Москве, сдав Белгород и Белгородский разряд под ведение генерал-майора Христофора Ригемона, и, следовательно, вплотную включился в дела подведомственного ему Военного приказа лишь с июня 1700 г., за два-три месяца до начала Северной войны [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 388–394]. Фактически Я. Ф. Долгоруков занял третью позицию в военном руководстве после формально назначенного фельдмаршалом Ф. А. Головина и бессменно руководившего Разрядом Т. Н. Стрешнева, но этот новый подъем военной карьеры был вскоре прерван поражением под Нарвой и попаданием Я. Ф. Долгорукова в шведский плен.

Таким образом, ранняя военная элита Петра состояла вовсе не из случайных людей, а руководство Белгородским разрядом стало для всех них важнейшей ступенью в их полководческих карьерах и в накоплении военно-организационного и полководческого опыта.

Список литературы

Авдеев А. Г. Боярин А. С. Шейн: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики // *Российская история*. 2015. № 5. С. 64–77.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 626 с.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич : Старший брат Петра I. М. : Академ. проект, 2020. 758 с.

Бороздин К. М. Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукаго. СПб. : Печ. у Ф. Дрехслера, 1805. 83 с.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.

Великанов В. С. Просопографический анализ высшего командного состава русской армии в Первом Крымском походе 1687 года // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5. Пятые чтения памяти акад. РАН Л. В. Милова : материалы к междунар. науч. конф. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М. : [Б. и.], 2017. С. 632–636.

Великанов В. С. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650–1680-х гг.: попытка создания военно-окружной системы // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 12. С. 16–21. DOI 10.52424/03210626.

Великанов В. С. Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687–1689 гг. // *Белгородская черта : сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты*. Вып. 5. Белгород : Константа, 2020. С. 35–43.

Восстание в Москве 1682 г. : сб. док. М. : Наука, 1976. 348 с.

- Гордон П. Дневник. 1690–1695. М. : Наука, 2014. 620 с.
- Дворцовые разряды : в 5 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1855. Т. 4. 586 с.
- Дудина О. В. Судебные функции руководителей Белгородского разряда // Белгородская черта : сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород : Константа, 2020. С. 147–151.
- Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259–358.
- Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 238 с.
- Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М. : Наука, 1989. 312 с.
- Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа. XVIII век» : [электронный ресурс]. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=tema_id&id=506 (дата обращения: 05.03.2022).
- Имишенецкая М. Долгоруков Яков Федорович // Русский биографический словарь А. А. Половцева : в 25 т. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1905. Т. 6. С. 573–577.
- Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М. : Индик, 2008. 502 с.
- Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М. : Ин-т славяноведения, 2012. 221 с.
- Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив А. Ф. Куракина : в 10 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1. С. 41–78.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справ. М. : СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 303 с.
- Медведев С. Созерцание краткое 7190, 91 и 92, в них что содеся во гражданстве // ЧОИДР : в 218 кн. М. : Университет. тип., 1894. Кн. 4. С. 269–519 (Ч. 2. С. 1–197).
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб. : II Отд. С. Е. И. В. К., 1864. Т. 7. 764 с. (ПДС).
- Письма и бумаги Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1887. Т. 1. 888 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 3.
- Походный журнал 1720 г. СПб. : М-во имп. двора, 1855. 65 с.
- Седов П. В. К истории ранней биографии «генералиссимуса» Алексея Семеновича Шеина // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 6–16. DOI 10.24411.
- Серов Д. О. Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII в. : кадровый выбор Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М. : РОССПЭН, 2013. С. 103–121.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Мысль, 1991. Кн. 7. 701 с.
- Титов А. А. Летопись Двинская. М. : Изд. П. А. Фокина : Тип. Л. и А. Снегиревых, 1889. 240 с.
- Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 46–82.
- Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 381 с.
- Рое М. Е. The Russian Elite in the Seventeenth Century : [2 vols.]. Vammala : [S. n.], 2004. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian “Sovereign’s Court”, 1613–1713. 469 p.

References

- Avdeev, A. G. (2015). Boyarin A. S. Shein: chelovek epokhi petrovskikh reform v zerkale epigrafiki [Boyarin A. S. Shein: A Man of the Era of Petrine Reforms in the Mirror of Epigraphy]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 64–77.
- Barsukov, A. P. (1902). *Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya* [Lists of City Voivodes and Other Persons of the Voivodeship Administration of the State of Muscovy of the 17th Century]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 626 p.

Bogdanov, A. P. (2020). *Tsar'-reformer Fedor Alekseevich. Starshii brat Petra I* [The Reformer Tsar Fyodor Alekseevich: The Elder Brother of Peter I]. Moscow, Akademicheskii proekt. 758 p.

Borozdin, K. M. (1805). *Nachertanie zhizni knyazya Yakova Fedorovicha Dolgorukago* [The Story of Life of Prince Yakov Fedorovich Dolgoruky]. St Petersburg, Pechatnya u F. Drekhslera. 83 p.

Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for Power (1671–1725)]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 544 p.

Dudina, O. V. (2020). Sudebnye funktsii rukovoditelei Belgorodskogo razryada [Judicial Functions of the Leaders of the Belgorod Razryad]. In *Belgorodskaya cherta. Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Iss. 5. Belgorod, Konstanta, pp. 147–151.

Dvortsovye razryady v 5 t. [Palace Ranks. 5 Vols.]. (1855). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 4. 586 p.

Gordon, P. (2014). *Dnevnik. 1690–1695* [Diary. 1690–1695]. Moscow, Nauka. 620 p.

Imshenetskaya, M. (1905). Dolgorukov Yakov Fedorovich [Dolgorukov Yakov Fedorovich]. In *Russkii biograficheskii slovar' A. A. Polovtseva v 25 t.* St Petersburg, Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo. Vol. 6, pp. 573–577.

Kochegarov, K. A. (2008). *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 gg. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686. The Conclusion of the Treaty of Eternal Peace]. Moscow, Indrik. 502 p.

Kochegarov, K. A. (2012). *Russkoe pravitel'stvo i sem'ya ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.* [The Russian Government and the Family of the Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich in 1681–1687]. Moscow, Institut slavyanovedeniya. 221 p.

Kurakin, B. I. (1890). Gistoriya o tsare Petre Alekseeviche i blizhnikh k nemu lyudyakh, 1682–1694 [The Story about Tsar Peter Alekseevich and People Close to Him, 1682–1694]. In *Arkhiv A. F. Kurakina v 10 t.* St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. Vol. 1, pp. 41–78.

Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015). *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Priказы of the State of Muscovy in the 16th–17th Centuries. Reference Dictionary]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 303 p.

Medvedev, S. (1894). Sozertsanie kratkoe 7190, 91 i 92, v nikh chto sodeyasya vo grazhdanstve [A Short Contemplation 7190, 7191 and 7192, in What Happened in the Country]. In *ChOIDR v 218 kn.* Moscow, Universitetskaya tipografiya. Book 4, pp. 269–519 (Part 2, pp. 1–197).

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi v 10 t. [Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers. 10 Vols.]. (1864). St Petersburg, II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 7. 764 p.

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo v 13 t. [Letters and Papers of Peter the Great. 13 Vols.]. (1887). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 1. 888 p.

Poe, M. E. (2004). *The Russian Elite in the Seventeenth Century. 2 Vols.* Vammala, S. n. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian “Sovereign’s Court”, 1613–1713. 469 p.

Pokhodnyi zhurnal 1720 g. [Camping Journal 1720]. (1855). St Petersburg, Ministerstvo imperatorskogo dvora. 65 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3.

Sedov, P. V. (2016). K istorii rannei biografii “generalissimusa” Alekseya Semenovicha Sheina [On the History of the Early Biography of the “Generalissimo” Alexei Semenovich Shein]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 6–16. DOI 10.24411.

Serov, D. O. (2013). Pravitel'stvuyushchii Senat v pervoi chetverti XVIII v.: kadrovyy vybor Petra I [The Governing Senate in the 18th Century: The Personnel Choice of Peter I]. In *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 103–121.

Solov'ev, S. M. (1991). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 18 kn.* [History of Russia since Ancient Times. 18 Books]. Moscow, Mysl'. Book 7. 701 p.

Titov, A. A. (1889). *Letopis' Dvinskaya* [Chronicle of Dvina]. Moscow, Izdanie P. A. Fokina, Tipografiya L. i A. Snegirevykh. 240 p.

Velikanov, V. S. (2017). Prosopograficheskiy analiz vysshego komandnogo sostava russkoi armii v Pervom Krymskom pokhode 1687 goda [Prosopographic Analysis of the Senior Command Staff of the Russian Army in the First Crimean Campaign of 1687]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Iss. 5. Pyatye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g.* Moscow, S. n., pp. 632–636.

Velikanov, V. S. (2018). Rospisi russkoi armii po razryadnym polkam v 1650–1680-kh gg.: popytka sozdaniya voenno-okruzhnoi sistemy [Paintings of the Russian Army on Discharge Regiments in the 1650s–1680s: An Attempt to Create a Military District System]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal.* No. 12, pp. 16–21. DOI 10.52424/03210626.

Velikanov, V. S. (2020). Organizatsiya i chislennost' Belgorodskogo razryadnogo polka v Krymskikh pokhodakh 1687–1689 gg. [Organization and Strength of the Belgorod Discharge Regiment in the Crimean Campaigns of 1687–1689]. In *Belgorodskaya cherta. Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty.* Iss. 5. Belgorod, Konstanta, pp. 35–43.

Vosstanie v Moskve 1682 g. Sbornik dokumentov [Uprising in Moscow in 1682. Collection of Documents]. (1976). Moscow, Nauka. 348 p.

Yafarova, M. R. (2017). *Russko-osmanskoe protivostoyanie v 1677–1681 gg.* [Russian-Ottoman Confrontation in 1677–1681]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 381 p.

Yazykov, D. (1835). Russkoe posol'stvo vo Frantsiyu i Ispaniyu 1687 goda [Russian Embassy to France and Spain in 1687]. In *Biblioteka dlya chteniya.* Vol. 9, pp. 46–82.

Zagorovskii, V. P. (1980). *Izumskaya cherta* [Izyum Line]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 238 p.

Zakharov, A. V. (N. d.). *Informatsionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema "Zapisnye knigi Razryadnogo prikaza. XVIII vek"* [Information Retrieval Full-Text System "Notebooks of the Razryad Prikaz. 18th Century"] [website]. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=tema_id&id=506 (accessed: 05.03.2022).

Zaozerskii, A. I. (1989). *Fel'dmarshal B. P. Sheremetev* [Field Marshal B. P. Sheremetev]. Moscow, Nauka. 312 p.

Zhelyabuzhsky, I. A. (1997). Dnevnye zapiski [Daily Notes]. In *Rozhdenie imperii.* Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 259–358.

The article was submitted on 18.11.2021